
Владимир Кожедеев
Дело императорского двойника. Книга 2

Дело императорского двойника. Исторические детективы. Классические детектив

Владимир Кожедеев

Дело императорского двойника. Книга 2

«Автор»
2026

Кожедеев В.

Дело императорского двойника. Книга 2 / В. Кожедеев — «Автор», 2026 — (Дело императорского двойника. Исторические детективы. Классические детектив)

Петербург, март 1880 года. Империя на грани катастрофы. После взрыва в Зимнем дворце страх поселился в каждом доме, а на улицах столицы даже днем опасно появляться без оружия.Надворный советник Иван Воронов, лучший сыщик сыскной полиции, только начал привыкать к семейному счастью. Его жена — талантливая художница Елизавета — ждет ребенка. Их дом на Гороховой стал островком тепла и уюта в холодном, враждебном Петербурге.Но однажды ночью на Литейном проспекте находят тело генерала. В кармане убитого — записка: «Первая ласточка. Следующий — главный». Тот же почерк. Тот же морской узел. Та же игра, что и в декабре.Воронов берется за расследование и понимает: за убийствами стоит не один маньяк. Это организованный заговор, в который вовлечены высокопоставленные чиновники, офицеры охраны и сотрудники Третьего отделения. А за их спинами — британская разведка, которая ведет «Большую игру» Цель заговорщиков — не просто убить императора. Они хотят подменить его двойником, захватить власть.

© Кожедеев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Тишина перед бурей 5
Глава 1. Смерть на Литейном 7
Главу 2. Утро на Гороховой. 13
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Владимир Кожедеев
Дело императорского двойника. Книга 2

Пролог. Тишина перед бурей

Март 1880 года. Петербург.

Весна в Петербурге – понятие условное. В марте здесь еще лежит снег, Нева скована льдом, а с Финского залива дует такой ветер, что даже городовые в своих тяжелых шинелях жмутся к стенам домов. Но в 1880 году весна пришла рано – в середине месяца ударила оттепель, с крыш закапало, по Невскому потекли мутные ручьи, и город запахло оттепелью, прелой листвой и тревогой.

Тревога в Петербурге не проходила никогда. Слишком многое случилось за последние годы. Слишком много покушений. Слишком много смертей. И хотя заговор, раскрытый Вороновым в декабре, предотвратил взрыв царского поезда, – страх не ушел. Он затаился. Притаился в темных углах, в прокламациях, которые по-прежнему расклеивали по ночам, в шепоте на кухнях и в трактирах.

А в начале февраля 1880 года случилось новое: в Зимнем дворце взорвалась бомба. Степан Халтурин, пробравшийся во дворец под видом столяра, заложил динамит под столовой, где должен был обедать император. Взрыв прогремел 5 февраля. Погибло одиннадцать человек – солдат лейб-гвардии Финляндского полка, несших караул. Император не пострадал – он опоздал к обеду.

Петербург ахнул. Полиция задергалась, как раненая птица. Аресты, обыски, допросы – но Халтурин скрылся. Его искали, но не нашли. И в этом был главный страх: враг проник туда, куда никто не должен был проникнуть. В самое сердце империи.

В эти тревожные дни Иван Петрович Воронов, надворный советник (чин он получил после декабрьских событий), кавалер ордена Святого Владимира, сидел в своем кабинете на Гороховой и перечитывал свежий номер «Правительственного вестника». Газета лежала на столе, придавленная медным пресс-папье в виде двуглавого орла – подарок Лизы на Рождество. Рядом дымилась чашка чая, на блюдце стыли недоеденные пирожки – Амалия Карловна по-прежнему кормила его, несмотря на то что теперь в доме была хозяйка.

Лиза сидела в соседней комнате – своей мастерской, – и Воронов слышал, как скрипит уголь по бумаге. Она работала над новым портретом – заказом от одной знатной дамы, которая хотела увековечить себя в фамильных бриллиантах и кружевах. Воронов не любил этих заказов – они отрывали Лизу от того, что он считал настоящим искусством. Но она говорила: «Иван, на хлеб и краски нужно зарабатывать. Не все же тебе меня содержать».

Он не спорил. Он вообще перестал спорить с Лизой после того, как понял, что спорить с ней бесполезно. Она всегда оказывалась права. Или он просто больше не хотел быть правым – хотел, чтобы она улыбалась.

В дверь позвонили – три коротких, один длинный. Масленников.

– Войдите, – крикнул Воронов, не вставая.

Масленников влетел в прихожую, сбивая с сапог снег, и через минуту стоял в дверях кабинета – красный, запыхавшийся, с шапкой в руках.

– Ваше высокоблагородие, – начал он, но Воронов перебил:

– Масленников, сколько раз говорить – называй меня по имени-отчеству. Дома я не начальник.

– Иван Петрович, – поправился Масленников, но тут же забыл о формальностях. – Беда. На Литейном нашли тело. Генерала.

Воронов медленно отложил газету. Сердце ёкнуло – не от страха, от предчувствия. Такое предчувствие у него бывало всегда перед большими делами.

– Какого генерала?

– Генерал-майора Власьева, – Масленников вытер вспотевший лоб. – Служит по особым поручениям при графе Лорис-Меликове. Нашли в пролетке, на углу Литейного и Пантелеймоновской. Задушен. Шейный платок затянут так, что…

– Бумаги? – перебил Воронов.

– Документы при нем. Часы, бумажник – всё на месте. Не ограбление.

– А записка? – Воронов поднялся, чувствуя, как холодок ползет по спине. – Была записка?

Масленников побледнел.

– Была, – сказал он. – В кармане шинели. Такая же бумага, как в декабре. И надпись: «Первая ласточка. Следующий – главный».

В комнате повисла тишина. В мастерской скрип угля прекратился. Лиза стояла в дверях, с альбомом в руках, и смотрела на Воронова – спокойно, но с тем выражением, которое он научился читать: «Будь осторожен».

– Масленников, – сказал Воронов, надевая сюртук. – Немедленно на место. Никого не пускать, ничего не трогать. Я буду через полчаса.

– Слушаюсь.

Масленников вылетел. Воронов повернулся к Лизе.

– Я должен идти.

– Знаю, – она подошла, поправила ему воротник. – Это тот же почерк?

– Похоже, – он взял её за руку. – Тот же почерк. Те же слова. Та же игра.

– Горев в тюрьме, – напомнила она. – Ты сам его туда отправил.

– Горев – в тюрьме, – кивнул Воронов. – Но есть кто-то другой. Или тот, кто его учил. Почерк не меняется.

Она посмотрела ему в глаза – долго, пристально, как смотрела на лица, которые рисовала.

– Иван, – сказала она. – Будь осторожен. Очень осторожен. Это не просто убийство. Это вызов.

– Я знаю, – он поцеловал её – быстро, по-хозяйски. – Я вернусь.

– Знаю, – она улыбнулась той улыбкой, которая грела его сильнее любого чая. – Ты всегда возвращаешься.

Он надел шинель, проверил револьвер в кармане, взял шапку. На пороге обернулся.

– Лиза, если я не вернусь к вечеру – пошли Масленникова в управу. И… побудь с Амалией Карловной. Ей страшно. После взрыва в Зимнем она спит с кочергой под кроватью.

– Я тоже сплю с кочергой, – сказала Лиза. – Но под твоей подушкой – твой револьвер. Я не боюсь.

– Я знаю, – он вышел в коридор. – Ты ничего не боишься.

– Боюсь, – сказала она уже в закрытую дверь. – Боюсь за тебя. Но ты не должен этого знать.

Дверь закрылась. Лиза постояла минуту, потом вернулась в мастерскую, взяла уголь и начала рисовать. Не заказной портрет – другое. Лицо человека, которого она никогда не видела, но которое представляла, когда Воронов говорил о новом деле. Лицо убийцы.

Она рисовала быстро, уверенно, и на бумаге проступали черты – жесткие, холодные, с пустыми глазами. Не Горев. Другой. Но такой же пустой.

– Кто ты? – прошептала она, глядя на рисунок. – И зачем ты вернулся?

За окном падал мокрый снег, и Петербург – огромный, холодный, опасный – ждал своего часа.

Глава 1. Смерть на Литейном

Март 1880 года в Петербурге выдался тяжелым. После февральского взрыва в Зимнем дворце, когда под столовой, где должен был обедать император, сработала бомба Степана Халтурина, город жил в лихорадочном ожидании новой беды. Люди боялись выходить на улицы после заката, боялись открывать двери незнакомцам, боялись даже говорить громко – казалось, что стены имеют уши, а темнота – глаза.

Литейный проспект в мартовских сумерках выглядел мрачно. Фонари еще не зажгли – экономия газа после взрыва стала тотальной, – и дома стояли черными громадами, закрывая небо. Только кое-где в окнах горели свечи и керосиновые лампы, отбрасывая желтые, дрожащие пятна на мокрый от оттепели снег. Ветер с Невы гнал поземку, она стелилась по мостовой, заметая следы редких прохожих.

У дома № 24, на углу Пантелеймоновской, толпились городовые. Их было много – человек десять, – они сбились в кучу, переговаривались вполголоса, курили махорку, пряча цигарки в рукавах, чтобы не было видно огня. Кто-то из них держал фонарь «летучая мышь» – керосиновую лампу с рефлектором, – и свет выхватывал из темноты мокрые спины лошадей, заиндевевшие бородатые лица, блестящие от сырости козырьки форменных фуражек.

Зевак было немного – холод и страх разогнали обывателей по домам. Только пара дворников в тулупах стояла в отдалении, опершись на метлы, да старуха в рваном платке крестилась у подъезда соседнего дома. Кто-то из городовых уже сбегал за полицейским врачом, кто-то побежал в управу за понятыми, а двое жандармов в синих мундирах – прислали из Третьего отделения, «на всякий случай» – топтались у пролетки, делая вид, что охраняют место преступления.

Пролетка стояла у тротуара – простая, извозчичья, с поднятым верхом, обитая внутри дешевым серым сукном. Лошадь, мокрая от снега, понуро опустила голову, пар валил от нее клубами. Извозчик – пожилой мужик в рваном армяке, с седой бородой – сидел на козлах, зажмурившись, и мелко трясся. Не от холода – от страха. Он уже трижды повторил свой рассказ городовым, и каждый раз сбивался, плакал, просил отпустить его «по-хорошему», потому что «дома ждут внучата».

– Ваше высокоблагородие! – крикнул кто-то из городовых, увидев подходившего Воронова. – Сюда!

Воронов шел быстрым шагом, не глядя по сторонам. Он был в своей обычной одежде – потертая шинель, немодный сюртук, сапоги, требующие смены каблуков. Шапки не было – с нее сбило ветром еще на углу, и он махнул рукой, не стал поднимать. Снег бил в лицо, залеплял глаза, но он не замечал.

Рядом, едва поспевая, бежал Масленников – красный, запыхавшийся, в шинели не по размеру, с шапкой, нахлобученной на самые брови. Он примчался в управу за двадцать минут до Воронова, поднял всех на ноги, послал на место городовых, а сам остался ждать начальника. И дождался.

– Иван Петрович! – выпалил он, подбегая. – Я тут… я распорядился… городовые оцепили, никого не пускают. Доктор уже там, осматривает. Жандармы приехали, из Третьего, сами понимаете, после взрыва… Они хотели забрать дело, но я сказал, что приедете вы, что вы…

– Хорошо, Масленников, – перебил Воронов, не сбавляя шага. – Потом расскажешь. Что с телом?

– Не трогали, как вы велели. Только доктор заглянул, сказал – смерть от удушения, шелковым платком. Примерно два часа назад.

– Два часа? – Воронов нахмурился. – А который час?

– Половина седьмого, – Масленников вытер лицо снегом, чтобы остыть. – Тело нашли в пять. Извозчик сидел на козлах, ждал седока. Когда тот не вышел через час, он заглянул в пролетку и…

– Понял, – Воронов подошел к пролетке.

Жандармский офицер – молодой, с бледным, испуганным лицом и блестящими погонами – шагнул навстречу.

– Господин Воронов? – спросил он, стараясь говорить твердо, но голос предательски дрожал. – Ротмистр Баранов, Третье отделение. Нам приказано…

– Потом, – Воронов прошел мимо него, даже не взглянув. – Где тело?

– Внутри, – офицер обиженно поджал губы, но кивнул на пролетку. – Не трогали. Ждали вас.

Воронов подошел, заглянул внутрь.

Керосиновая лампа в руках городового бросила желтый свет в глубину пролетки, и Воронов увидел его.

На заднем сиденье, откинувшись на подушки, сидел мужчина лет пятидесяти. Генеральский мундир – темно-зеленый, с красными выпушками, с золотым шитьем на воротнике и обшлагах. Ордена на груди – Владимир, Анна, Станислав, – блестели в свете лампы, но блеск этот был мертвым, холодным, как глаза убитого. Глаза – выкатившиеся, мутные, с лопнувшими сосудами в белках – смотрели в никуда. Лицо – синее, распухшее, с черным высунутым языком. Шея была перетянута шелковым платком – темно-синим, дорогим, с вышитыми инициалами. Платок был затянут с такой силой, что врезался в кожу, скрывая ее под складками ткани.

Воронов смотрел на это лицо и чувствовал, как что-то шевелится в памяти. Не лицо – он не знал этого генерала. Что-то другое. Поза? Выражение? Та неестественная, кукольная поза, в которой застыло тело? Или то, как был завязан платок?

Он наклонился ближе, вглядываясь. Запах – терпкий, сладковатый, приторный. Одеколон. Дорогой, французский. Таким пахнут те, кто хочет скрыть другой запах. Запах страха? Запах смерти? Или запах того, кто стоял рядом с жертвой в последние минуты?

– Узел, – сказал он вслух.

– Что-с? – переспросил жандармский офицер, который стоял за спиной и заглядывал через плечо.

– Узел, – повторил Воронов, не оборачиваясь. – Посмотрите. Платок завязан особым узлом. Морским. Прямой, с двумя петлями. Такие узлы вяжут матросы, рыбаки, охотники. Или те, кто учился у них.

Он выпрямился, обернулся к Масленникову.

– В декабре, когда нашли Громова, – сказал он. – Помнишь? Тот же узел. Та же бумага. Та же игра.

Масленников побледнел. Он помнил. Он помнил тусклый свет фонарей на Исаакиевской площади, помнил заиндевевшую карету, помнил тело человека, похожего на императора, и записку: «Охота началась. Следующий – настоящий».

– Но Горев в тюрьме, – сказал он, и голос его сел. – Я сам его туда отвозил. В Петропавловку. В одиночную камеру. Начальник тюрьмы сказал, что он никого не принимает, кроме следователя.

– Значит, у него есть сообщник, – сказал Воронов. – Или подражатель. Или… – он замолчал, чувствуя, как холодок ползет по спине, – или он был не один. И тот, кто остался на свободе, продолжает его дело.

Он снова наклонился к телу, осторожно, двумя пальцами извлек из кармана шинели – из внутреннего, потайного, где обычно носят самые важные бумаги – листок. Бумага была плотная, гербовая, с водяными знаками – такая же, как в декабре. Сложена вчетверо, без конверта. Воронов развернул, поднес к свету.

Каллиграфический почерк – размашистый, уверенный, с наклоном вправо. Те же буквы, те же завитушки. Тот же стиль, словно писал один и тот же человек. Или тот, кто тщательно скопировал почерк.

«Первая ласточка. Следующий – главный».

Воронов прочитал вслух. Жандармский офицер перекрестился. Городовые зашептались. Масленников вытер вспотевший лоб.

– Первая ласточка? – переспросил он. – Это что же, будет вторая?

– Будет, – сказал Воронов. – Если мы не найдем убийцу раньше.

Он сунул записку в свой карман, повернулся к Масленникову.

– Срочно в управу. Узнать всё о генерале. Кто он, чем занимался, с кем встречался в последние дни. Особенно – имел ли отношение к охране императора. И к графу Лорис-Меликову.

– Понял-с, – Масленников козырнул, но не двинулся с места. – Иван Петрович, а может, мне здесь остаться? Помочь?

– Там поможешь, – Воронов махнул рукой. – Бегом. И Ветлицкому передай – пусть готовит лабораторию. Завтра утром буду с вещами. Нужно исследовать бумагу, чернила, узел.

Масленников сорвался с места и побежал, спотыкаясь о кочки, скользя на льду, но не сбавляя скорости. Воронов смотрел ему вслед, потом перевел взгляд на жандармского офицера.

– Вы, ротмистр, – сказал он. – Доложите вашему начальству, что дело ведет сыскная полиция. Если понадобится помощь – запросим. А пока – не мешайте.

– Но граф Лорис-Меликов приказал…

– Передайте графу, – перебил Воронов, и голос его стал жестким, – что я лично доложу ему завтра утром. А сейчас – не мешайте.

Офицер обиженно замолчал, но отошел в сторону. Воронов остался у пролетки.

Он еще раз оглядел место преступления. Пролетка – извозчичья, недорогая, с облезлой краской. Лошадь – старая, заморенная, с выпирающими ребрами. Извозчик – на козлах, трясется, крестится. Улица – пустая, темная, только окна домов светятся желтыми пятнами.

Что-то здесь было не так. Слишком просто. Слишком обыденно. Генерал – не тот человек, который ездит на дешевых извозчиках. У него должен быть свой экипаж, свой кучер. Почему он оказался здесь? Почему в этой пролетке? Почему на этом углу?

– Извозчик, – сказал Воронов, подходя к козлам. – Слезай. Поговорим.

Мужик слез – неуклюже, трясущимися ногами. Оказался ниже ростом, чем казалось на козлах, сутулый, с длинными руками, похожими на обезьяньи. Глаза – белые, бегающие, лицо – в морщинах, как печеное яблоко.

– Барин, – забормотал он, крестясь, – барин, я ничего не делал! Я вез, как велели. Сел господин на углу Невского, сказал: «На Литейный, к дому 24». Привез, он сказал ждать. Я ждал час. Потом заглянул – а он… а он…

– Не бойся, – сказал Воронов. – Я не думаю, что это ты. Скажи лучше: где сел господин?

– На Невском, барин. У Казанского собора. Вышел из темноты, я и не разглядел. Сел, сказал ехать. Голос спокойный, барин. Очень спокойный. Как будто не на дело ехал, а на бал.

– Как был одет?

– В шинели, барин. В дорогой, с бобровым воротником. Шапка – тоже бобровая. Сапоги – хромовые, блестят. Пахло от него… духами, барин. Дорогими.

– Лица не разглядел?

– Темно было, барин. И он все время отворачивался. Я только заметил – усы. Большие, густые. И глаза… – извозчик замялся.

– Что – глаза? – Воронов подался вперед.

– Страшные, барин, – извозчик вытер лицо рукавом. – Пустые. Как у мертвого. Я таких глаз не видел. Ни у кого.

Воронов выпрямился. Пустые глаза. Как у Горева. Как у того, кто смотрел на него в декабре из темноты дома на Пятницкой.

– Хорошо, – сказал он. – Иди, посиди в пролетке. Скоро приедет полицейский врач, осмотрит тебя. Ты нужен как свидетель.

Извозчик полез на козлы, бормоча молитвы. Воронов отошел, закурил. Папироса тлела в темноте, освещая его лицо – усталое, с глубокими тенями под глазами, с жесткими складками вокруг рта.

Он оглядел улицу, дома, окна. И вдруг заметил то, что не заметил сначала.

На снегу, у заднего колеса пролетки, был отпечаток. Четкий, глубокий, как будто кто-то стоял здесь долго, не двигаясь, наблюдая. След сапога – дорогого, с узким носком, на тонкой подошве. Такие носят господа. Не извозчики. Не солдаты. Не дворники.

Воронов опустился на корточки, вгляделся. След был свежий – края не оплыли, снег не осыпался. Значит, кто-то стоял здесь уже после того, как убитый был доставлен. Наблюдал. Ждал. Убеждался, что всё сделано правильно.

Он поднял голову, посмотрел на окна ближайших домов. В одном из них – на третьем этаже, в угловом, с видом на перекресток – мелькнул свет. И тут же погас. Будто кто-то задернул штору. Или отступил от окна.

– Кто живет в этом доме? – спросил Воронов у городового, который стоял ближе всех.

– Не могу знать, ваше высокоблагородие, – городовой вытянулся во фрунт. – Дом купца Смирнова. Сдается под квартиры. Жильцы разные: чиновники, офицеры, купцы. Точно не скажу.

– А в третьем этаже, в угловом окне?

– Там, кажись, живет отставной полковник. Фамилию не упомню. Тихий такой, незаметный.

Воронов запомнил. Полковник. Тихий. Незаметный. В доме напротив места убийства. Который задернул штору в тот момент, когда Воронов поднял голову.

– Запомните адрес, – сказал он городовому. – Завтра с утра проверю. Кто живет, когда въехал, откуда деньги. И этого полковника – отдельно.

– Слушаюсь.

Воронов еще раз обошел пролетку, заглянул под нее, осмотрел колеса. Ничего. Только снег, лед, грязь. Потом подошел к лошади. Она стояла смирно, не ржала, не била копытом. Старая, заморенная, привыкшая ко всему. Воронов погладил ее по морде, и она вздохнула – тяжело, по-человечески.

– Бедная ты, – сказал он. – Ничего не понимаешь. Стоишь, ждешь. А хозяин твой – убийца.

Он выпрямился, посмотрел на тело генерала, которое уже вынимали из пролетки – двое санитаров в серых халатах, под присмотром полицейского врача.

– Увозите в морг, – сказал Воронов. – Передайте судебному следователю: пусть ищет следы борьбы, волосы под ногтями, частицы ткани. И пусть сделает рисунок узла. Мне нужен точный рисунок.

– Снимок, – сказал врач, пожилой, с усталым лицом. – Надо бы снимок, господин Воронов. Рисунок – это неточно.

– Будет снимок, – сказал Воронов. – Ветлицкий сделает. У него есть камера. Он всё сделает как надо.

Врач пожал плечами, велел санитарам грузить тело. Воронов отошел в сторону, докурил папиросу, бросил окурок в снег.

– Иван Петрович, – окликнул его кто-то из городовых. – А что делать с извозчиком? Отпускать?

– Нет, – Воронов покачал головой. – В управу. Он свидетель. Пусть переночует в участке, завтра допрошу.

Городовой кивнул, пошел к пролетке. Воронов остался один. Стоял посреди улицы, под мокрым снегом, и смотрел на темное небо.

– Первая ласточка, – прошептал он. – Следующий – главный.

Он думал о генерале Власьеве. О том, почему его убили. О том, что он знал или делал. О том, кто мог желать ему смерти.

– Кто ты? – спросил он у темноты. – И чего ты хочешь?

Темнота не ответила. Только снег падал на мостовую, заметая следы убийцы, заметая правду, заметая надежду.

Воронов повернулся и пошел прочь – в сторону Малой Морской, где ждала управа, где ждали бумаги, где ждала Лиза. Но в голове уже крутилась мысль: если это не Горев, то кто? Почему тот же почерк? Та же бумага? Тот же узел? И что значит «главный»? Император? Лорис-Меликов? Или кто-то, кого он даже не знает?

Он шел быстро, не замечая холода, не замечая снега. Перед глазами стояло лицо убитого генерала – синее, распухшее, с выкатившимися глазами. И узел. Морской узел. Который он видел в декабре. И который, он чувствовал, увидит еще не раз.

На углу он остановился, посмотрел на дом № 24. Дом купца Смирнова – пятиэтажный, с лепниной на фасаде, с широкими окнами и высокими дверями. Дорогой дом. Не для бедноты. Здесь жили люди со средствами.

Третий этаж, угловое окно. Темное. Штора задернута. Но Воронов знал – за этой шторой кто-то есть. Кто-то, кто смотрел на место убийства. Кто-то, кто погасил свет, когда Воронов поднял голову.

– Кто ты? – снова спросил он, глядя на темное окно.

Ответа не было. Только ветер свистел в трубах, да где-то вдалеке лаяла собака.

Воронов постоял минуту, потом повернулся и пошел дальше. Завтра он вернется сюда. С обыском. С допросом. С правдой.

Он пришел в управу через час. Масленников уже сидел за столом, рылся в бумагах, писал запросы. Увидев Воронова, вскочил.

– Иван Петрович! Я тут… я нашел кое-что.

– Что? – Воронов снял шинель, повесил на вешалку, сел за свой стол.

– Генерал Власьев, – Масленников подал папку. – Служил в Третьем отделении. Потом перешел к графу Лорис-Меликову. Занимался особыми поручениями – слежка за революционными кружками. В последние дни перед смертью он… – Масленников замялся.

– Что?

– Он допрашивал кого-то. Тайно. Без протокола. Кого – неизвестно. Но его секретарь, некто Бланк, говорил, что Власьев был взволнован. Искал какого-то человека. Говорил: «Если я не найду его, он найдет меня».

– Пророческие слова, – сказал Воронов. – Где этот секретарь?

– Живет на Васильевском. Я уже послал городового, чтобы привел.

– Хорошо, – Воронов взял папку, начал читать. – А что с извозчиком?

– В участке. Плачет, просится домой. Говорит, внучата ждут.

– Пусть посидит. Завтра отпустим. И еще, Масленников.

– Слушаю.

– Ты видел дом напротив? Угловое окно на третьем этаже?

– Видел, – Масленников кивнул. – Там, говорят, живет отставной полковник. Фамилия… сейчас… – он заглянул в записную книжку. – Полковник Аркадий Петрович Грязнов. Уволен

со службы пять лет назад. Живет один. Ни с кем не общается. Соседи говорят – странный, тихий.

– Завтра с утра проверим, – сказал Воронов. – Возьмем понятых, обыщем.

– А если он не пустит?

– Пустит, – Воронов усмехнулся. – У нас есть ордер. Я попрошу у пристава.

Он отложил папку, потер глаза. Ныло плечо – к перемене погоды. Или к тому, что день был слишком долгим.

– Иди домой, Масленников, – сказал он. – Завтра рано вставать.

– А вы, Иван Петрович?

– А я посижу еще. Докурить. Подумать.

Масленников хотел возразить, но передумал. Козырнул, надел шинель, вышел. Воронов остался один.

Он сидел в тишине, смотрел на папку с бумагами, на записку, которую положил на стол. «Первая ласточка. Следующий – главный». Главный – кто? Император? Лорис-Меликов? Или тот, кого Власьев искал и боялся?

Он закурил новую папиросу, выпустил дым в потолок. Перед глазами стояло окно на третьем этаже – темное, задернутое шторой. И человек за ним. Тот, кто смотрел. Тот, кто знал. Тот, кто, возможно, держал в руках платок, затянутый морским узлом.

– Я найду тебя, – сказал он в пустоту. – Найду.

Он затушил папиросу, встал, надел шинель. Взял со стола записку, сунул в карман. Вышел из кабинета, прошел по темному коридору, спустился по лестнице. На улице – снег, холод, ветер.

Он пошел на Гороховую, туда, где ждала Лиза. И думал о том, как сказать ей, что началось новое дело. Что снова будет поздно возвращаться. Что снова он будет пропадать ночами, искать, допрашивать, ловить.

Она поймет. Она всегда понимала. Но каждый раз, когда он уходил, в ее глазах был страх. Тот самый страх, которого, как она говорила, у нее больше не было. Страх за него.

Он ускорил шаг. Ему хотелось домой. К чаю. К пирожкам Амалии Карловны. К Лизе. К той тихой, мирной жизни, которая была у них последние три месяца.

Но он знал: мирная жизнь кончилась. Началась охота.

Главу 2. Утро на Гороховой.

Он вернулся домой за полночь.

Гороховая улица спала – только редкие фонари бросали желтые пятна на мокрый снег, да где-то вдали лаяла собака, захлебываясь в темноте. Воронов поднялся по лестнице – скрипучей, с вытертыми ступенями, пахнущей кислой капустой и кошками. На площадке второго этажа горела керосиновая лампа, оставленная Амалией Карловной «для своих».

Он отпер дверь своим ключом – тихо, чтобы не разбудить домовладелицу, которая спала в маленькой комнатке у входа. Но Амалия Карловна, как всегда, не спала – из-за двери доносился приглушенный кашель и шепот молитвы. Она молилась за него. Каждый раз, когда он уходил на ночное дело, она молилась. Воронов знал это и каждый раз чувствовал себя неловко – не потому, что не верил в Бога, а потому что не верил, что заслуживает чужих молитв.

В прихожей было темно. Только из мастерской, где работала Лиза, пробивался желтый свет – керосиновая лампа горела вполнакала, экономя керосин. Воронов снял шинель – мокрую, тяжелую, пахнущую снегом и порохом – повесил на вешалку. Сапоги оставил в углу, на газете, чтобы не натоптать. Прошел в коридор, заглянул в мастерскую.

Лиза сидела за мольбертом, при свете лампы, и что-то рисовала. Она не слышала, как он вошел – так была погружена в работу. Уголь скрипел по бумаге, рука двигалась быстро, уверенно, и на листе появлялись черты – жесткие, холодные, с пустыми глазами.

Воронов стоял в дверях, смотрел на неё, и думал о том, как много изменилось за три месяца. Раньше он возвращался в пустую квартиру, где никто не ждал, где не горел свет, где не пахло скипидаром и льняным маслом. Теперь здесь было тепло, уютно, и женщина, которую он любил, сидела за мольбертом и рисовала убийцу, которого он должен был поймать.

– Лиза, – сказал он тихо.

Она вздрогнула, обернулась. Увидела его – усталого, мокрого, с красными от ветра глазами – и улыбнулась той улыбкой, которая грела его сильнее любого чая.

– Иван, – она отложила уголь, встала, подошла. – Ты вернулся.

– Вернулся, – он взял её за руку. – Как видишь.

– Ты голоден? – спросила она, оглядывая его. – Амалия Карловна оставила пирожки. Я разогрею.

– Нет, – он покачал головой. – Не хочу есть. Я устал.

– Садись, – она взяла его за руку, повела в кабинет, усадила в кресло. – Я согрею чай. Посиди, отдохни.

Она ушла на кухню, загремела посудой, зазвенела чашками. Воронов слышал, как она ставит самовар, как заливает воду, как чиркает спичкой, зажигая лучину. Обычные, домашние звуки, которые успокаивали его, возвращали к жизни после того, что он видел на Литейном.

Он закрыл глаза, откинулся на спинку кресла. Перед внутренним взором стояло лицо убитого генерала – синее, распухшее, с выкатившимися глазами. И узел. Морской узел. Такой же, как в декабре. И запах – сладковатый, приторный, французский одеколон.

– Иван, – Лиза вошла с чашкой чая, поставила на стол, села рядом на маленький пуфик, который сама обтянула бархатом. – Ты нашел что-то?

– Нашел, – он взял её за руку, сжал. – Та же бумага. Тот же почерк. Тот же узел.

– Но Горев в тюрьме, – сказала она, и в голосе её было недоумение. – Ты сам его туда отправил.

– В тюрьме, – кивнул он. – Я проверю завтра. Поеду в Петропавловскую крепость, поговорю с ним. Может быть, он знает, кто его подражает. Или кто его учил.

– Ты говорил, что он был не один, – Лиза налила чай в стакан, пододвинула к нему. – Что у него были люди.

– Были, – Воронов открыл глаза, взял стакан, отхлебнул. Чай был горячий, крепкий, с мятой – она запомнила, как он любит. – Степан – плотный, с бородой. Он арестован. Сидит в той же крепости, этажом ниже. И третий – в черном. Тот, который связал меня. Он сбежал. Его не нашли. Возможно, это он.

– Ты помнишь, как он выглядел? – спросила Лиза, подаваясь вперед.

– Плохо, – Воронов покачал головой. – Темно было. Он стоял в дверях, потом вышел. Я не разглядел лица. Только силуэт – высокий, худой, с длинными руками.

– А я могла бы нарисовать, – сказала Лиза. – Если бы ты описал.

– Я не запомнил, – он вздохнул, поставил стакан. – Я был связан. И смотрел на Горева. На его глаза – пустые, мертвые. А тот, третий, был в тени.

– Значит, надо искать другие следы, – Лиза сжала его руку. – Иван, ты веришь, что это тот же убийца?

– Верю, – сказал он. – Но не тот же человек. Почерк можно подделать. Узел – завязать. Бумагу – купить. Но есть что-то, что нельзя подделать. Что-то, что я чувствую, но не могу объяснить.

– Что? – она посмотрела ему в глаза.

– Запах, – сказал он. – На месте преступления всегда есть запах. Страха, смерти, пороха. Сегодня был запах… одеколона. Дорогого. Французского. Таким пользуются те, кто хочет скрыть другой запах.

– Запах чего? – спросила она.

– Не знаю, – он покачал головой. – Но узнаю. Я чувствовал такой же запах в декабре. Когда Горев стоял рядом. Но тогда он был слабее. А сегодня – сильный, навязчивый. Как будто убийца хотел, чтобы его запомнили.

– Или хотел, чтобы ты отвлекся на запах и не заметил чего-то другого, – сказала Лиза.

Воронов посмотрел на неё с уважением. Она мыслила, как сыщик – не хуже, чем он сам.

– Возможно, – сказал он. – Возможно.

Они замолчали. В мастерской тикали часы – старые, с кукушкой, которые Лиза привезла из Москвы. За окном шумел ветер, гнал поземку, бился в стекла. Лиза сидела, положив голову ему на плечо, и думала о том, как много изменилось за три месяца.

Она вышла замуж. Переехала на Гороховую. Обустроила мастерскую. Её портреты стали известны – заказов прибавилось, и теперь она не только рисовала купчих и чиновниц, но и получала предложения от настоящей знати. Недавно ей заказал портрет сам граф Лорис-Меликов – для своей супруги. Она писала его неделю, волновалась, переделывала три раза. Граф остался доволен, заплатил щедро и сказал: «Талант, сударыня. Редкий талант. Ваш муж – счастливый человек».

И всё это – рядом с ним. С человеком, который приходил поздно, пах порохом и табаком, но каждый вечер, засыпая, обнимал её так, что она чувствовала себя в безопасности. С человеком, который боялся любви, но нашел её. С человеком, который умел ловить преступников, но не умел говорить красивых слов. И который каждое утро оставлял на её мольберте маленькую записочку: «С добрым утром. Я люблю тебя».

– Иван, – сказала она, нарушая тишину. – Ты боишься?

– Чего? – спросил он, не открывая глаз.

– Что это дело окажется таким же, как декабрьское. Что мы снова будем на грани. Что кто-то… – она запнулась, – кто-то из нас пострадает.

Он открыл глаза, посмотрел на неё. В свете керосиновой лампы её лицо было бледным, почти прозрачным, глаза – большими и темными, как петербургская ночь.

– Боюсь, – сказал он. – Но теперь я знаю, зачем возвращаться. Это сильнее страха.

Она улыбнулась, поцеловала его в щеку.

– Иди спать, – сказала она. – Завтра будет трудный день.

– А ты? – спросил он, вставая.

– Я порисую еще немного, – она кивнула на мольберт. – Не спится. Хочу закончить.

Он встал, пошел в спальню. У двери обернулся.

– Лиза, – сказал он. – Ты нарисовала его? Того, кого не видела?

– Нарисовала, – она показала на мольберт. – Смотри.

Он подошел, посмотрел. На бумаге было лицо – жесткое, холодное, с пустыми глазами. Не Горев. Другой. Но такой же пустой. И в то же время – живой. Страшный своей обыденностью. Такое лицо можно встретить на Невском, в театре, в ресторане. И не заметить.

– Похож? – спросила она.

– Не знаю, – сказал он. – Но, если я встречу его – узнаю.

Она взяла уголь, добавила несколько штрихов – тени под глазами, жесткую складку у рта.

– Теперь – точно узнаешь, – сказала она. – Иди. Я скоро.

Он ушел. Лиза осталась одна, глядя на рисунок. Она не знала, кто этот человек. Она не знала, убийца ли он. Но она знала одно: его глаза смотрели на неё с бумаги, и в них было что-то, что заставляло её сердце биться чаще. Не страх. Предчувствие.

– Кто ты? – прошептала она. – И зачем ты пришел?

За окном падал снег, и Петербург – огромный, холодный, опасный – ждал ответа.

Он проснулся от света – солнце, низкое и яркое, било в окно, отражаясь от свежевыпавшего снега. Воронов сел на кровати, потер лицо. Плечо ныло – к перемене погоды. Или к тому, что он плохо спал, ворочался, думал о деле.

Лиза уже не было рядом – на подушке осталась вмятина, одеяло откинуто. На тумбочке – стакан воды и маленькая записочка: «Я на кухне. Завтрак готов. Люблю тебя».

Он улыбнулся – той редкой, светлой улыбкой, которая появлялась только когда она не видела. Встал, умылся ледяной водой из рукомойника, привел себя в порядок. В зеркале на него смотрел человек с красными от бессонницы глазами, но в этих глазах было что-то новое – живое, почти молодое.

Он надел свежую рубаху – Лиза заставила его купить новые, сказала, что «стыдно ходить в таких лохмотьях», – застегнул сюртук, вышел на кухню.

Амалия Карловна уже была там – хлопотала у плиты, что-то жарила, пахло луком и салом. Увидев Воронова, всплеснула руками.

– Герр Воронов! Вы спали всего четыре часа! Это нельзя! Вы заболеете!

– Не заболею, Амалия Карловна, – он сел за стол, где уже стояла тарелка с кашей, стакан чая, бутерброд с сыром. – Где Лиза?

– В мастерской, – старуха махнула рукой. – Рисует с утра. Я сказала – завтракать, а она: «Сейчас, сейчас». Не слушается меня. Вы бы ей сказали, герр Воронов.

– Скажу, – он улыбнулся. – Но она всё равно не послушается.

Амалия Карловна вздохнула, но спорить не стала. Она привыкла, что в этой квартире теперь живет не одинокий сыщик, а семейная пара, у которой свои порядки. И эти порядки ей нравились – в доме стало теплее, светлее, появились цветы на окнах, новые занавески, а по вечерам пахло не только табаком, но и красками, и льняным маслом.

Воронов быстро позавтракал, выпил чай, поблагодарил Амалию Карловну. Потом прошел в мастерскую.

Лиза стояла у мольберта, в старом халате, перепачканном углем и красками. Волосы были собраны в узел на затылке, несколько прядей выбились и падали на лицо. Она не слышала, как он вошел – всматривалась в рисунок, что-то поправляла, отходила, снова подходила.

– Лиза, – сказал он.

Она обернулась. Увидела его – свежего, выспавшегося (хотя она знала, что он не выспался), – и улыбнулась.

– Доброе утро, – сказала она. – Выспался?

– Выспался, – соврал он. – Что рисуешь?

– Вчерашнее, – она кивнула на мольберт. – Того человека. Я всё думаю – кто он? Откуда? Зачем убивает?

Воронов подошел, посмотрел. Лицо на рисунке стало еще более живым – Лиза добавила детали, тени, сделала взгляд более глубоким, пустым и в то же время пристальным.

– Он смотрит, – сказал Воронов. – Как будто видит того, кто смотрит на рисунок.

– Он и видит, – сказала Лиза. – Такие люди всегда видят. Они живут тем, что наблюдают. Ждут, когда жертва сделает ошибку. А потом – удар.

Воронов помолчал, глядя на рисунок.

– Я сегодня еду в крепость, – сказал он. – Поговорить с Горевым.

– Я с тобой? – спросила Лиза.

– Нет, – он покачал головой. – Это опасно. Горев – злой, мстительный. Он может наговорить гадостей. Или попытаться…

– Что? – она подняла бровь. – Ударить меня через решетку? Я не боюсь.

– Я знаю, – он взял её за руку. – Но я боюсь. За тебя. Останься здесь. Займись заказами. Или съезди к Масленникову, помоги ему с опросом свидетелей.

– С каким опросом? – спросила она.

– Вчера на месте убийства я заметил окно – в доме напротив. Третий этаж, угловое. Свет мелькнул и погас, когда я поднял голову. Там живет отставной полковник Грязнов. Я хочу, чтобы Масленников опросил его. И соседей. И дворников. Кто что видел, кто что слышал.

– А если полковник – убийца? – спросила Лиза.

– Тогда он не будет сидеть дома и ждать, пока его арестуют, – сказал Воронов. – Но проверить надо. Масленников – мужик простой, он может не заметить деталей. А ты – художник. Ты видишь то, чего не видят другие.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

– Ты хочешь, чтобы я работала на тебя? – спросила она.

– Я хочу, чтобы ты была моими глазами, – сказал он. – Когда меня нет рядом.

Она улыбнулась, сжала его руку.

– Хорошо, – сказала она. – Я поеду с Масленниковым. Но ты обещай мне кое-что.

– Что?

– Будь осторожен в крепости. Горев – змея. Даже в клетке он опасен.

– Обещаю, – сказал он, поцеловал её в лоб и вышел.

Пока Воронов ехал в Петропавловскую крепость, Масленников и Лиза отправились на Литейный проспект – в дом купца Смирнова.

Утро было морозным, солнце висело низко, снег скрипел под ногами. Масленников шел впереди, размахивая папкой с бумагами, Лиза – за ним, кутаясь в шубку и сжимая в руках альбом. Она взяла его на всякий случай – вдруг увидит кого-то, кого нужно запомнить, или что-то, что нужно зарисовать.

Дом купца Смирнова оказался большим, пятиэтажным, с лепниной на фасаде, с широкими окнами и высокими дверями. У подъезда стоял дворник – пожилой мужик в тулупе и валенках, с метлой в руках. Увидев полицейского, он вытянулся, снял шапку.

– Здорово, – сказал Масленников, подходя. – Ты здешний дворник?

– Так точно, ваше благородие, – мужик поклонился. – Иван Кузьмич я. Шестой год здесь.

– Значит, знаешь всех жильцов?

– Как не знать? – Иван Кузьмич почесал затылок. – Кто платит, кто не платит, кто шумит, кто тихий. Всё знаю.

– Расскажи про полковника Грязнова, – сказал Масленников, доставая записную книжку. – Третий этаж, угловая квартира.

Дворник замялся, переступил с ноги на ногу.

– Полковник? – переспросил он. – Аркадий Петрович? Странный он, ваше благородие. Тихий. Ни с кем не общается. Из дому выходит редко. А когда выходит – всегда в черном. И лицо… – он понизил голос, – лицо у него страшное. Бледное, как у мертвеца. Глаза пустые. Соседи его боятся.

– А что он делает дома? – спросила Лиза. – Чем занимается?

– Не знаю, барыня, – дворник развел руками. – В гости к нему никто не ходит. Сам он никуда не ходит. Только вечером иногда гуляет – на Невский, в театры. Говорят, он раньше в театре служил. Или при театре. Не помню.

– В каком театре? – спросил Масленников.

– В Мариинском, кажись. Или в Александринке. Я точно не знаю.

Масленников и Лиза переглянулись. Театры. Горев, говорил, что тот, кто его учил, любит театры. Полковник Грязнов любит театры. Совпадение?

– А вчера вечером ты его видел? – спросил Масленников.

– Вчера? – дворник задумался. – Вчера он выходил. Часов в пять. Вернулся – не знаю. Я уже спал.

– Во сколько он вернулся?

– Не знаю, – дворник покачал головой. – Но сегодня утром я вышел мести двор, а он уже стоял у окна. Смотрел на улицу. На то место, где вчера…

– Где вчера нашли тело? – закончила Лиза.

– Да, барыня, – дворник перекрестился. – Страшно. Стоит, смотрит. И улыбается. Я сам видел.

Масленников записал, сунул книжку в карман.

– Идем, – сказал он Лизе. – Проверим, что там за полковник.

Поднялись на третий этаж. Лестница была широкой, с чугунными перилами, с мраморными ступенями – дом был дорогой, для богатых жильцов. Квартира полковника Грязнова оказалась угловой, с окнами на Литейный и Пантелеймоновскую. Дверь – дубовая, с бронзовой ручкой, с табличкой: «Полковник А.П. Грязнов. Отставной».

Масленников постучал. Тишина. Постучал еще раз – громче. За дверью послышались шаги – медленные, тяжелые. Дверь открылась.

На пороге стоял человек. Высокий, худой, в черном сюртуке, с бледным, аскетическим лицом. Глаза – светлые, почти бесцветные, с холодным, изучающим взглядом. Он смотрел на Масленникова и Лизу без удивления, без страха – как будто ждал их.

– Чем обязан? – спросил он. Голос был тихим, ровным, без интонаций.

– Полиция, – Масленников показал удостоверение. – Опрос свидетелей. Вчера на Литейном убили человека. Вы что-нибудь видели?

Грязнов помолчал. Потом усмехнулся – криво, одними губами.

– Видел, – сказал он. – Всё видел. Заходите.

Он отступил в глубь квартиры, пропуская их. Лиза вошла, огляделась. Квартира была большой, но обставленной скудно – старый диван, стол, стулья. На стенах – картины, мрачные, с темными тонами. На одной – ночной Петербург, пустая улица, фонарь. На другой – человек в черном, стоящий у окна. На третьей – лицо, искаженное страхом.

– Вы рисуете? – спросила Лиза, разглядывая картины.

– Рисовал, – сказал Грязнов. – Раньше. Теперь – нет.

– Почему?

– Руки дрожат, – он показал свои руки – длинные, белые, с тонкими пальцами. – Не могу больше.

Он прошел к столу, сел, жестом пригласил их сесть напротив. Масленников сел, достал записную книжку. Лиза осталась стоять – ей было удобнее наблюдать.

– Расскажите, что вы видели, – сказал Масленников.

– Я смотрел в окно, – Грязнов говорил медленно, словно вытаскивал слова из глубины. – Люблю смотреть на улицу. На людей. На их лица. Вчера, около пяти, я увидел пролетку. Она остановилась у того дома, – он кивнул в сторону окна. – Из пролетки никто не вышел. Извозчик ждал. Я подумал – странно. Обычно извозчики не ждут так долго. Через час я снова посмотрел. В пролетке кто-то был. Генерал. Он сидел, откинувшись на подушки. Я понял, что он мертв.

– Почему вы не позвали полицию? – спросил Масленников.

– Потому что не хотел вмешиваться, – Грязнов усмехнулся. – Полиция не любит тех, кто вмешивается. И тех, кто смотрит в окна.

– Вы видели убийцу? – спросила Лиза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.